

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. Тюрин

Патриотизм, идентичность и политика

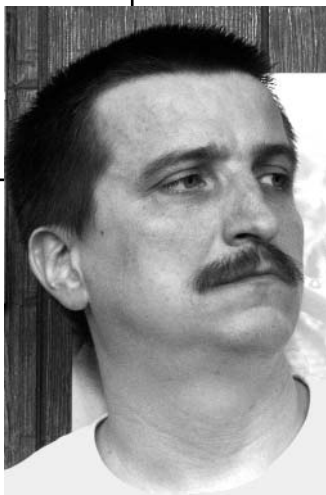
Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tyurin_44.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

*Глеб Тюрин,
директор АНО
«Институт общественных
и гуманитарных инициатив»
(Архангельск)*

Патриотизм, идентичность и политика*

1

Писать или говорить о патриотизме — заведомо непростое занятие. Споры на эту тему идут уже не одно столетие, причем не только у нас. Патриотизм, пожалуй, есть одно из самых «поляризованных» понятий, о нем, как правило, говорят или в превосходной форме, или как о чем-то почти недопустимом и неприличном. Достаточно сослаться на знаменитое высказывание, приписываемое англичанину Сэмюэлю Джонсону, жившему еще в XVII веке: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». А с другой стороны, приходят на ум не менее знаменитые слова о. Сергия Булгакова о том, что любовь к Родине — священное чувство, тайна каждого человека, такая же сокровенная, как его рождение.

Откуда такая противоречивость в подходах к одному и тому же феномену? Наверное, есть ряд причин этого.

Одна из них, наиболее очевидная, может заключаться в том, что патриотизм нередко перегружен политическими смыслами, встроен в политические доктрины. Ведь правящие элиты в кризисных ситуациях всегда стремятся использовать его в целях политической мобилизации, то есть в своих собственных интересах. Россия, кстати, в данном случае не исключение, особенно в последние годы, когда патриотизм превратился в один из основных идеологических инструментов, с помощью которых действующая власть очерчивает свои позиции в обществе.

Но, несмотря на сказанное, как мне представляется, патриотизм *нельзя воспринимать лишь как политический конструкт*, сводя его к набору идеологических штампов и пропагандистских приемов. Есть патриотизм — и патриотизм. Оба могут называться одним и тем же словом, оставаясь тем не менее совершенно разными явлениями.

Да, есть патриотизм как политический и пропагандистский дискурс. Он может быть разнообразным или унифицированным, радикальным или мягким, но в

* См.: Т. Гребенюк. *Оправданна ли монополия на патриотизм* // *Общая тетрадь*, № 4, 2007. — С. 39–53.

любом случае это есть нечто, созданное для реализации конкретных политических целей. Такой патриотизм отличается, если можно так выразиться, предметная осязаемость: он практичен, то есть сформулирован, отточен, продвигаем. Его можно видеть и слышать. Но одновременно есть патриотизм иного рода — патриотизм как *совокупность сокровенно, внутренне ощущаемых и переживаемых ценностей*. Такого рода стихийный и не слишком рациональный патриотизм миллионы людей носят в себе, в своих умах, сердцах и душах. Это переживание их неразрывной связи с Отечеством, которое, между прочим, может быть окрашено как позитивно, так и негативно. Оно зачастую не слишком оформлено или рационально фиксируемо, о нем не очень охотно говорят. Это то, что скрыто, но тем не менее *вполне реально*.

Думаю, очень важно не смешивать друг с другом эти два условно выделенных «потока». Между политической практикой и набором ценностей нельзя ставить знак равенства; следовательно, невозможно говорить о «патриотизме вообще». Разумеется, упомянутые измерения могут быть взаимосвязаны: ведь существование первого предполагает существование второго, практический, внешний патриотизм невозможен без ценностного, внутреннего патриотизма. Но все равно это не одно и то же. Убеждения настоящих патриотов могут не совпадать с официальными политическими доктринами, а иногда и напрямую противоречат им.

Да, патриотизм нередко превращается в составляющую политической практики, но при этом не надо забывать, что значительная часть интересующего нас огромного явления находится за пределами упомянутой практики. Следовательно, тут требуется более отстраненный и нейтральный взгляд. И наоборот, важно видеть, что происходит с патриотизмом в ценностном

его измерении, не политизируя обсуждение этого вопроса. Имея представление об эволюции патриотических воззрений за пределами политики, мы сумеем эффективнее выстраивать саму политическую практику.

2

Патриотизм имеет огромное значение в понимании коллективной (национальной) идентичности.

Патриотизм представляет собой один из базовых элементов построения любого большого социума, поскольку является *ключевым проявлением сложившейся в данном социуме коллективной идентичности*. Коллективная идентичность — довольно загадочное явление, с помощью которого социум (например, нация) осознает себя, создает внутри себя образ того, как люди, входящие в его состав, соотносятся друг с другом. Это способ идентификации того, каким образом индивиды объединяют свои «я» и что представляет собой их совокупное «мы». Коллективную идентичность можно также именовать «мы-концепцией» данного социума.

Понятие «мы-концепция» появилось в последние десятилетия, хотя мыслители и ученые давно бьются над пониманием того, что делает, скажем, итальянцев итальянцами, а норвежцев — норвежцами.

Уже французские просветители отмечали, что каждой нации присуще некое внутреннее ядро, задающее ее специфику и особенности. Позднее Виссарион Белинский сформулировал это так: «Каждый народ *имеет свою субстанцию*, как и каждый человек, и в субстанции народа заключается вся его история и его отличие от других народов». В XIX веке предпринималась длинная череда небезуспешных попыток понять и объяснить эту субстанцию. В начале XX века, пытаясь обозначить ее, французский социолог

Эмиль Дюркгейм ввел понятие «*менталитет*».

После открытия Зигмундом Фрейдом бессознательного и разработки Карлом Юнгом понятия коллективного бессознательного сложилось представление о том, что коллективная идентичность является разновидностью социального бессознательного. Дальнейшие научные открытия XX века внесли новую лепту в разработку этой тематики: появились учения о социальном поле и самоорганизующихся системах, нелинейных и напряженных системах, прочие разработки, которые углубили наше понимание коллективной идентичности.

Сегодня фактически сложился консенсус по поводу того, что коллективная идентичность («мы-концепция») есть система коллективного бессознательного данного социума. Это сложное и самоорганизующееся образование, которое вбирает в себя коллективные ценности, образы, способы мышления и действия, символы, нормы. Коллективная идентичность — загадочное явление. Хотя трудно понять, каким образом «мы-концепция» оседает в головах людей, вполне очевидно, что она определяет следующие важные феномены:

- *коллективное восприятие людьми своего социума как единого целого;*
- *коллективное представление о роли каждого внутри этого целого;*
- *связанную с этими представлениями коллективную картину мира.*

«Мы-концепция» определяет развитие нации, она «запускает» жизнь социума. Упрощая, можно сказать, что она содержит ответ на фундаментальный вопрос: «кто мы такие?». Ответы могут быть разными. Например, возможен такой ответ: *мы — братья и сестры, мы единая семья, в которой каждый думает об интересах каждого и готов помочь каждому.* Или другой ответ: *нам нет дела друг до друга, у нас каждый выживает как может.*

За каждым из подобных ответов стоит образ действий и образ мыслей.

Будучи усвоенными, запечатлеваясь в коллективных бессознательных моделях, создавая устойчивые социальные стереотипы, такие образы будут формировать конкретные сценарии. А эти сценарии, воспроизводясь снова и снова, будут предопределять путь общества. Если в коллективной идентичности возобладают одни образы, развитие пойдет по одному пути, другие — изменится и путь. Таким образом, коллективная идентичность так или иначе повлияет на идентичность каждого человека и в значительной степени определит его поведение.

«Мы-концепция» не дается раз и навсегда, она может меняться со временем, хотя это происходит не просто и не быстро. Например, она способна трансформироваться со сменой поколений, каждое из которых привносит в общественную жизнь новые черты и характеристики. Порой она делается иной в результате социальных катаклизмов. Например, наша коллективная идентичность существенно изменилась в 1990-е годы.

3

Патриотизм как проявление коллективной идентичности надо рассматривать в виде позитивной коннотации своей включенности в социум, как положительное соотнесение себя с социумом. Можно сказать, что это коллективный интегратор, решающий несколько важнейших задач.

Всякий человек осознает себя частью большого целого. Он есть часть своей страны, региона, города, деревни, рода или какой-то иной общности, которая для него значима. Именно через эту включенность формируется личность человека. Кроме того, таким способом преодолеваются внутренние противоречия, существующие в обществе. Ибо «мы-концепция» любого на-

Мартин Пурийяр. Без названия. 1997–2001

рода неоднородна. Это набор *разных* норм, образов, кодов, которые могут не просто отличаться, но и противоречить друг другу, конфликтовать между собой. Различными сторонами одной и той же идентичности могут быть и доброта, и жестокость. Скажем, русские люди предпочитают считать себя скорее душевными, открытыми, готовыми помочь ближнему. Но вот читаю Дмитрия Мережковского: нам, русским «не надобен хлеб: мы друг друга едим и сыты бываем». Социумы похо-

жи на людей, в них порой намешано разное, но при этом всегда есть доминирующие нормы и образы.

Патриотизм — бессознательная коллективная апелляция к тем нормам, образам, характеристикам, которые являются значимыми (или доминирующими) и одновременно наделяются позитивным смыслом.

Национальная идентичность почти всегда есть «договоренность» о неких общих ценностях и образах, это более или менее однозначное понимание и

толкование ценностей и образов. Она создает понятную картину мира, помогающую людям объединяться. Коллективная идентичность становится своеобразным «интегрирующим кодом». Наделенному ею человеку зачастую не требуются подтверждения, размышления, сомнения; идентичность делается своеобразным «пропуском», «проходным билетом». Обретя ее, как правило, впитав с молоком матери, человек получает, по сути дела, универсальный способ быть интегрированным. Одним из самых мощных и действенных способов социального объединения оказывается национальная принадлежность.

Идентичность земляков, «своих», живущих на своей земле или даже за ее пределами, — таков один из основных инструментов успешности, помогающий людям найти свое место в мире. К сожалению, русские все меньше и меньше понимают, что это такое. У других народов, напротив, мы часто наблюдаем совсем иное. Появляется, скажем, в каком-то российском городе представитель небольшого народа — вьетнамец или азербайджанец — и спустя какое-то время там уже оказываются несколько человек из той же этнической группы, которые активно поддерживают друг друга. Они коллективно решают задачи, коллективно отстаивают интересы, коллективно расширяют возможности, например, в бизнесе. Их национальная идентичность становится основой их успешности.

Но, возможно, какие-то люди не смогут принять те или иные коллективные нормы, которые присущи национальной идентичности. Не находя способов преодоления этого внутреннего конфликта, человек не сумеет активно действовать, он будет вынужден жить под угрозой исключения из социальной действительности. О патриотизме в таких ситуациях

говорить не придется. Напротив, в подобных случаях возникает стремление покинуть свой социум, перестать быть его частью. Это может стать причиной эмиграции или явления, называемого внутренней эмиграцией.

О патриотизме в России сегодня говорить непросто. Для миллионов людей, живущих на весьма скромные доходы в разных уголках нашей страны, острейшим образом стоит проблема несовместимости собственной идентичности с тем, что считается идентичностью благополучных и преуспевающих, пропагандируемой телевидением. Миллионы «старых русских» никак не могут поставить себя рядом с безумным богатством «новых русских». Они не готовы ассоциировать себя с тем, что в их представлениях абсолютно несправедливо: с таким положением вещей, когда национальные богатства захвачены небольшой группой лиц, интересы которой, по большому счету, не связаны с интересами страны.

Иными словами, у нас имеет место конфликт интересов, образов жизни значительной части элиты и большей части народа. Вообще-то это типичная для России ситуация, она характеризовала нашу страну на протяжении столетий. Вспомним дворянство, которое говорило по-французски, но при этом регулярно пороло своих крепостных на конюшнях. Никогда, однако, разрыв между элитой и остальным социумом не был таким разительным и таким чудовищным. Наше общество расколото, в нем сосуществуют несколько разных обществ. Та Россия, которая владеет большей частью российских активов, живет интересами, весьма далекими от интересов остальной России. И потому многим россиянам сложно ощущать себя патриотами той, первой части их родины.

4

Следует понимать, что без формирования позитивной коллективной идентичности невозможно говорить о развитии страны. И дело не только в создании некоего интегрирующего кода. Позитивная коллективная идентичность позволяет существенно увеличить энергетический потенциал социума, помогает аккумулировать новую, дополнительную энергию, заряженную на успех.

Человеческая энергия, выражающаяся в действиях, поступках людей, всегда носит направленный характер — это вектор. Энергия любого человека выходит за границы его физического тела. Способы передачи и распространения человеческой энергии разнообразны. У каждого социума есть собственное энергетическое поле, совокупность векторов и потенциалов всех его членов. В результате объединения этого запаса общая энергетическая составляющая системы может как увеличиваться, так и уменьшаться. Сложение противостоящих и разнонаправленных величин приводит к «вычитанию», снижению общего энергетического потенциала. А сложение синхронизирующихся, одинаправленных потенциалов способно спровоцировать настоящий синэнергетический скачок.

Включение в национальную коллективную идентичность всегда означает рост энергетической заряженности человека. Личность, испытывающая патриотические чувства, гордится своей сопричастностью, она переживает эмоциональный подъем. Такого человека отличает готовность отдавать, он готов помогать своей отчизне, идти на жертвы ради нее и даже погибать за нее. В современной России говорить и писать о таких вещах как-то неудобно, а многим подобные рассуждения вообще кажутся малопонятными. Мы напрочь забыли, что такое массовый патриотизм, не говоря уже о просвещенном патриотизме.

Стоит обратить, однако, внимание на то, что во времена испытаний патриотические чувства растут практически спонтанно: включается саморегулирующийся механизм выживания нации. И тогда ее представители, лидеры в том числе, снова вспоминают, что все они братья и сестры.

Формирование патриотизма как продуктивной национальной идентичности требует, чтобы в эту самую идентичность были включены нормы некоего социального договора, в частности требования справедливости и свободы. Возможно, на первый взгляд это кажется несбыточным. Но, повторяю, в конечном итоге все определяется формами интеграции, формами включения человека в социум, формами отражения этого в коллективной идентичности и идентичности индивида. Включенность — вот ключевое слово.

Огромные возможности в этом смысле предоставляет работа на местном уровне, а именно — развитие местного патриотизма. Ведь коллективная идентичность имеет несколько уровней, среди которых национальность очень важный, но не единственный уровень. Каждому человеку присущ целый набор идентичностей. В этом списке есть признаки первостепенные и второстепенные. Поведение же человека определяется прежде всего той частью идентичности, которая представляется наиболее значимой в конкретных обстоятельствах. И вот тут оказывается, что для любого из нас таковыми выступают местные вопросы и проблемы. Люди живут не в бесконечных пространствах страны, а на своей малой родине. Именно на местном уровне наиболее реально добиться настоящей включенности человека в жизнь социума. Поэтому, перефразируя известное высказывание, можно сказать: «Любой настоящий патриотизм — местный».